

Алексей П. Толочко (Киев)

Взятие Киева монголами: источники летописного описания

Киев был осажден монголами поздней осенью 1240 г. и взят штурмом “на Николин день”, 6 декабря.¹ В древнейших летописях существует два описания этого события: краткое и шаблонное представлено в *Лаврентьевской летописи*,² пространное — в *Ипатьевской летописи*.³ Именно это последнее, благодаря подробному изложению обстоятельств и обилию ярких деталей, кажущихся достоверными, как правило, кладется исследователями в основание реконструкции действительного хода событий. В сущности, историческая “реконструкция” сводится к пересказу летописного текста, так как ни общая канва событий, ни даже второстепенные подробности не вызывают серьезных сомнений. Рассказ полагают записью со слов очевидца, сделанной едва ли не среди еще дымящихся развалин города.⁴

Напомним основные вехи летописного рассказа.

Еще когда монголы только задумывали осаду Киева, один из монгольских царевичей, участвовавших в походе, Менгу, приехал осмотреть город:

Меньгоуканови же . пришедшоу сгладать гра̂ Кыева . ставшоу же емоу на шнои странѣ Днѣпра . во градька Пѣсочного видивъ гра̂ . оудивиса красотѣ его . и величеству его присла послы свои к Михаилоу и ко гражданиомъ . хотя е . прельстити и не послушаша е̂.⁵

¹ О датах падения Киева см.: Ставиский В.И. “О двух датах штурма Киева в 1240 г. по русским летописям”, Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 43 (1990), 282-290.

² “Того̂ . лѣ̂ . Взаша Кыевъ Татарове . и стую Софью разграбиша . и монастыри всѣ . и иконы . и крты чтѣныа . и взл оузорочьа цркѣвнаа взаша . а люди ѿ мала и до велика . вса ѿбиша мечѣ̂ . си же злоба приключиса до Ржѣтва Гнѣ . на Николинѣ днѣ” (ПСРЛ 1, 470).

³ ПСРЛ 2, 784-785. Статья 6748 в *Софийской 1 летописи*, как и другие эпизоды монгольского завоевания Южной Руси, представляет собой непосредственное заимствование из *ГВл* (см.: Толочко А.П. “Происхождение хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи”, *Palaeoslavica* XIII/1 (2005), 81-108).

⁴ С изумительной простотой это мнение изложено, например, в известной книге В.Т. Пашуто: “В своде князя Даниила читается описание разорения Киева татарами. Из содержания описания ясно, что последнее составлено лицом, близким воеводе Дмитру [...] Повесть составлена очевидцем и содержит ценные факты, полученные от свидетелей: так, например, полный перечень имен татарских воевод был составлен на основании показаний пленного татарина Товрула” (Пашуто В.Т. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси* (М., 1950), 85-86). В новейшей, претендующей на источниковедение, работе — та же простота, которая, как известно, хуже воровства, ср.: “Описание осады и взятия Киева войсками Батыея составлено очевидцем событий или со слов их непосредственных свидетелей. На это указывает, в частности, приведенный в летописи перечень имен татарских воевод, составленный по показаниям пленного Товрула. [...] Весьма вероятно, что эта часть рассказа написана лицом, близким к тысяцкому Дмитру” (Майоров А.В. Повесть о нашествии Батыея в Ипатьевской летописи. Часть вторая. *Rossica antiqua*, № 2 [2012], 50).

⁵ ПСРЛ 2, 782. Дата *Ипат* списка — 6745/1237 — поздняя и не имеет никакого значения. Единственное хронологическое указание *Хлебниковского* списка, которым очерчен временной интервал

После довольно обширного отступления о судьбе бежавшего из Киева князя Михаила Всеволодовича (хронологически забегающего далеко вперед, вплоть до апреля 1241 г.) летописец возвращается (“мы же на преднее возвратимса”) к прерванному рассказу об осаде Киева.

К Киеву подошли, наконец, основные силы монголов, предводительствуемые Бату. Они поставили метательные машины напротив Лядских ворот, сокрушили городские стены и завладели ими. Наутро оказалось, что горожане успели соорудить вторую линию укреплений, вокруг Десятинной церкви (“гражанѣ же создаша пакы другии гра̂ школо стое Бѣѣ”). Но и его не удалось удержать, и защитники города использовали как последнюю твердыню Десятинную церковь. Под тяжестью собравшегося на церковных сводах народа стены храма не выдержали и рухнули, погребая под собой последних защитников. Так взят был Киев.

В этом рассказе есть несколько странностей, причем, связаны они именно с деталями, выглядящими наиболее реалистично. Приступив к осаде, монголы не просто окружили город, но обвели его стеной: “и шкроужи гра̂ . и штолпи сила Татарская . и бы гра̂ во шбѣдержаньи велицѣ”. Эти действия, непонятные древним копиистам так же, как и современным комментаторам,⁶ предполагали сооружения *столпня*, рода ограды или стены вокруг осажденного города. Исследователи древнерусских оборонительных сооружений признают эту подробность достоверной,⁷ но трудно представить подобное строительство в условиях реального древнего рельефа, пересеченного множеством глубоких оврагов. Кроме того, как утверждает летописец, Батый сосредоточил стенобитные машины в районе Лядских ворот, то есть в самой низкой части местности, по существу, в глубоком заболоченном овраге, где в древнерусское время протекала речка. Именно наличие оврагов и было, согласно летописцу, причиной подобного решения: “постави же Батыи пороки городуу подѣлѣ вратѣ Ладьскѣ . тоу бо бѣахоу . пришли дебри”. Наконец, весьма экзотично — как бы привычно для нас не звучала теперь эта история — выглядит эпизод с превращением Десятинной церкви в оборонительную башню и ее падение под тяжестью людских тел. Как увидим ниже, эти несообразности вполне объясняются источниками, вдохновившими “галицкого” летописца на описание осады Киева.

Согласно внутренней хронологии рассказа (временных указаний только три: “порокомъ же бес престани бьющимъ . днь и ночь”; “взиидоша Татарѣ на стѣны и сѣдоша того дне и ноци”; “наоутрѣа же придоша на нѣ . и бы брань”), весь штурм

между этой рекогносцировкой и собственно штурмом — “потом же”, что подсказывает близкое соседство событий.

⁶ Ср. в *Хлебниковском списке* замену “остолпи” на “оступи” (ПСРЛ 2, 784, вар. 63). Ср. также перевод О.П. Лихачевой: “и окружили они город, и обступила сила татарская, и был город в великой осаде” (*Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 5); а также перевод Л. Махновца: “пришов Батий до Киева [...] і окружив город. І обступила [Київ] сила татарська, і був город в облозі великій” с примечанием: “В Ип. ошибочно «остолпи», в Хл. «оступи»” (*Літопис руський*. Пер. з давньорус. Л. С. Махновця [К., 1989], 395).

⁷ См.: Козюба В.К. Давньоруське “столпие” за історико-лексичними і археологічними матеріалами. *Археологія*, № 2 (2010), 42-50.

Киева занял неполные трое суток, что находится в противоречии с иными свидетельствами: Плано Карпини, утверждавшего, что Киев пал “после длительной осады”, и Рашид-ад-Дина, указывавшего на штурм, длившийся девять дней.⁸ Уже одно это заставляло бы усомниться в документальности описания. Но в тексте присутствуют и другие приметы, выдающие его создание не по свежим впечатлениям от событий, но многие годы спустя. Так, летописец напоминает, что якобы участвовавший в штурме Киева Гуюк позднее стал кааном (“и Кююкь иже вратиса . оувѣдавъ смѣть кановоу . и бы каномъ”⁹), что произошло в 1246 г., а в эпизоде “сглядения” Киева Менгу именуется “Менгуканом”, что отсылает к дате его воцарения — 1251 г.¹⁰

В самом деле, описание монгольского завоевания южной Руси и падения Киева представляет собой фрагмент *Галицко-Волынской летописи*, вернее, ее первой, “галицкой”, части, составленной не ранее начала 1260-х гг. Вопреки неоднократно предпринимавшимся попыткам историков удревнить начало “галицкого” летописания, главным образом, раздробив текст летописи на вереницу мелких “повестей” якобы близких по времени написания к описываемым событиям, достаточных оснований для этого не существует. Единственным надежным текстологическим аргументом для членения текста *ГВл* на какие-то составные части и определения границы между ними по-прежнему является распределение заимствований из хронографической литературы. Еще в конце 1920-х гг. А.С. Орлов указал, что цитаты из хронографа, заключающего в себе фрагменты хроник Иоанна Малалы и Георгия Амартола, *Иудейской войны* Иосифа Флавия, а также *Александрю*, с регулярностью простираются вплоть до статьи *Ипат* 1265 г. За этими пределами хронограф ни разу не использован.¹¹ Состав доступного автору *ГВл* хронографа делает почти неизбежным его отождествление с так называемым “Иудейским хронографом”

⁸ Джиованни дель Плано Карпини. *История монгалов* (М., 1957), 47; Рашид-ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. 2. Под ред. И.П. Петрушевского (М.—Л., 1960), 45.

⁹ Это, кстати, неверно и фактически. По свидетельству Рашид-ад-Дина Гуюк и Менгу были отозваны “из Кипчакской степи” еще осенью 1239 г. и летом 1240 г. уже “расположились в своих ордах” (Рашид-ад-Дин. *Сборник летописей*, 40). Магистр Рогерий, попавший в плен к монголам во время их венгерского похода, также не упоминает Гуюка и Менгу среди монгольских военачальников: Вот его перечень: *Rex regum et dominus Tartarorum, qui Hungarian intraverunt, Bathus suo nomine vocabatur. Rector erat sub ipso in militia potentior Bochetor appellatus. Cadan in probitate melior dicebatur. Coaton, Seyban, Peta, Hermeus, Cheb, Ocadar maiores reges inter Tartaros censebantur*; см. *Anonymus and Master Roger*, ed. by Martyn Rady, Lázló Vészpremy, and János M. Bák (Budapest—New York, 2010 [= *Central European Medieval Texts*, vol. 5], 162). В списке монгольских “вождей” венгерского похода Плано Карпини также не упоминает Гуюка, а относительно Менгу указано, что тот “оставался в своей земле” (Джиованни дель Плано Карпини. *История монгалов*, 44-45).

¹⁰ См.: Ставиский В. И. “«История монгалов» Плано Карпини и русские летописи”, *Древнейшие государства на территории СССР* (М., 1991), 196-197.

¹¹ Орлов А.С. “К вопросу об Ипатьевской летописи”, *Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР*. Т. 31 (1928), 93-126; Орлов А.С. “О Галицко-Волынском летописании”, *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 5 (М.—Л., 1947), 24-26; см. также: Генсьорьский А.И. *Галицко-Волынский летопис. Процес складання, редакції і редактори* (К., 1958), 12-16.

(архетипом *Архивского* и *Виленского* хронографов), возникшим, как можно судить на основании помещенного в нем расчета лет, около 1262 г.¹²

Примерно ту же цезуру устанавливает и лингвистический анализ *ГВл*.¹³ В одной из статей 1970-х гг. Дин Ворт заключил, что — как бы не представляли себе дело историки — единственным существенным рубежом в *ГВл* является (ориентируясь на хронологию *Ипат*) 1260-1261 гг.¹⁴

Все это означает, что взятие монголами Киева было записано не по свежим следам и, тем более, — не со слов очевидца, но составлено профессиональным писателем без малого четверть века спустя после трагедии. В каких очертаниях к началу 1260-х гг. при дворе Даниила Романовича продолжала существовать память о происшедшей катастрофе, какова была степень достоверности этих воспоминаний и что из них счел для себя полезным летописец, уже никогда не узнать. Но можно попытаться установить, каким образом и при помощи каких средств он создавал собственную версию прошлого, ставшую, в конечном итоге, нашей реальностью.

Что рассказ о взятии монголами Киева написан не без влияния литературных приемов, историки литературы указывали давно. Причем, имеются ввиду приемы, вообще характерные для автора галицкой части летописи: парафразирование и скрытое цитирование переводных византийских произведений, которые он считал образцами исторической прозы. Интуитивно исследователи ощущали, что “повесть” о взятии Киева описана “стилем Иосифа Флавия”, но поймать «за язык» летописца удалось всего лишь дважды. Во фрагменте “и тоу бѣаше видити ломъ копѣины . и щеть скѣпаніе” исследователи опознали фразу из Книги III-й *Иудейской войны* Иосифа Флавия (“и бысть видѣти ломъ копиинныи. и скрежетаніе мечное и щиты ископани”), а в отрывке “и не бѣ слышати ѿ гласа . скрипаниа телѣгъ е . множества ревения . вельблѣдь его . и рѣжаниа ѿ гласа стадъ конь его” — заимствование из Книги VII-й *Хроники* Георгия Амартола (“видаще и слышаще гла множества скрипаниа колесницъ”).¹⁵

¹² Истрин В. *Александрия русских хронографов. Исследование и текст* (М., 1893), 124-125; Орлов А.С. К вопросу об Ипатьевской летописи, 106-108; Мещерский Н.А. *История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе* (М.—Л., 1958), 97; Творогов О.В. *Древнерусские хронографы* (Л., 1975), 18-20.

¹³ Кажется, впервые на основании лингвистического анализа летописи такую границу предложил А.И. Генсерский (см.: Генсьорський А.І. *Галицько-Волинський літопис. Лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості* [К., 1961]).

¹⁴ Dean S. Worth, “Linguistics and Historiography: A Problem of Dating in the Galician-Volhynian Chronicle” в: Dean S. Worth, *On the Structure and History of Russian. Selected Essays* (München, 1977), 232. Этот вывод получил подкрепление благодаря дополнительным лингвистическим наблюдениями в: Daniela S. Khristova, “Major Textual Boundary of Linguistic Usage in the Galician-Volhynian Chronicle,” *Russian History/Histoire Russe* 33/2-4 (2006), 313-331. См. также недавнюю работу И.С. Юрьевой, которая пришла к точно тому же выводу, хотя и не обнаружила знакомства с указанными трудами (Юрьева И.С. “Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи”, *Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2012–2013)* [М., 2013], 135-151).

¹⁵ Орлов А.С. К вопросу об Ипатьевской летописи, 119, 122. Кстати сказать, во второй фразе Владимир Перетц видел влияние Книги судей 7:12 (Перець В. “До питання про літературні джерела

Руководствуясь этими подсказками, можно продолжить поиски.

Воинская лексика Галицко-Волынской летописи

Галицко-Волынская летопись стоит особняком среди памятников исторической прозы. Она задумывалась и была исполнена как подражание византийским историкам, но не летописям. По своему жанру она совершенно уникальна для древнерусской книжности и представляет собой (по крайней мере, в изначальном виде) несомненно *историю* (в том смысле, который придавался этому слову византийскими авторами), то есть углубленное исследование одного частного сюжета: судьбы двух малолетних сыновей Романа Мстиславича, оставшихся сиротами, но сумевших возратить отцовское достояние, преодолев «многие мятежи, великие лести, бесчисленные рати». *История* двух Романовичей противостоит *хронографии*, то есть обширной компиляции всех и всяческих событий в их хронологической последовательности, лежащей в основании *летописи*¹⁶. Жанр *истории* ответственен и за такие изначальные черты произведения, как, например, отсутствие разбивки на погодные статьи и вообще отказ от абсолютной хронологии (в летописи не было ни одной даты), так как повествование здесь «склеивается» не внешне заданной чередой годов, а логикой сюжетных последовательностей: при необходимости автор забегают вперед или отступает назад в изложении. Об особенностях своего повествования автор *ГВл* предупредил читателя:

“хронографоу же . ноужа есть писати все . и вса бьвшаа . ввогда же писати ^н переднаа . ввогда же востопати в заднаа . чьтыи моудрыи разоумѣть”.¹⁷

О взаимном расположении отдельных рассказов во времени автор давал понять при помощи ряда формул: “в та же лѣта”, “в то же врѣма”, “тогда же”, “потомъ же”, “по семь же времени минуовши”, “и бысть по сихъ времени минуовши”, “потомъ же минувшимъ лѣтомъ”. Эти-то “сюжетные последовательности” исследователи и принимают за отдельные “повести”.

Выбор жанра определил и образцы для подражания, а с ними и многочисленные — сознательные или неосознанные, — но всегда умело вплетенные в ткань собственного повествования (а, значит, и скрытые от поверхностного взгляда) текстуальные заимствования из полюбившихся автору византийских исторических произведений. Весьма представительный каталог подобных заимствований приведен А.С. Орловым.¹⁸ Биография князей — это всегда преимущественно рассказ о походах, сражениях, осадах городов, победах и поражениях. Некоторые из вклю-

давнього українського літопису”, *Збірник Історично-філологічного відділу УАН. Ювілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського*. № 76. Ч. II [К., 1928], 214).

¹⁶ О различении понятий «история» и «хронография» в византийской и древнерусской литературе см.: Водолазкин Е.Г. *Всемирная история в литературе Древней Руси (На материале хронографического и палеяного повествования XI—XV веков)* (СПб., 2008), 19-20; Вилкул Т. *Повесть временных лет и Хронограф. Palaeoslavica XV/2* (2007), 84 и прим. 177.

¹⁷ ПСРЛ 2, 820.

¹⁸ Орлов А.С. К вопросу об Ипатьевской летописи, 104-126.

ченных в хронограф переводных сочинений, такие как *Александрия*, предоставляли почти неограниченный арсенал изобразительных средств для описания военных ситуаций. Но в поисках ярких выражений летописец не оставил без внимания также *Хроники Малалы* и *Амартола*. К Малале, например, восходят выражения: “обличать победу” или “назнаменать победу” — обозначение военного триумфа; “творить игру” в значении военного состязания, турнира; “снузници” в значении ‘всадники’; “колымаги” в значении ‘военный лагерь’ и др. Изображение Амартолом надвигающихся на Иерусалим войск Антиоха повлияло на описание “блистающих подобно солнцу” войск Даниила Романовича в походе на ятвягов (*Ипат* под 1251 г.) и воинов на стенах Владимира (*Ипат* под 1231 г.) Но наибольшее влияние на воинскую лексику *ГВл* оказала, надо думать, *История иудейской войны* Иосифа Флавия. Отсюда, среди прочего, происходят такие “производящие впечатление поэтических” выражения, как “стрелы не давали выникнуть из-за заборол”, люди, падающие в ров “подобно снопам”, хождение по трупам, “как по настилу” и др. Из того же источника заимствованы термины для осадной машинерии: “сосуды ратные”, “сосуды порочные”.

Общий план рассказа и представления о топографии осажденного города.

Галицкий летописец, как видно на многих примерах, “просеивал” текст хронографа в поисках наиболее выразительных, с его точки зрения, или наиболее соответствующих случаю выражений. Иногда искомые фрагменты отстояли достаточно далеко друг от друга, и летописцу, несомненно, приходилось листать свои источники, выуживая драгоценные крупницы. Трудно представить, чтобы, тщательно подбирая нужные ему фразы, он делал это наугад, не прочитывая и всего текста, находящегося между ними. Необходимо предположить, следовательно, что помимо лексических и фразеологических заимствований, летописец мог испытывать влияние и на уровне сюжетов и композиционных схем. В самом деле, еще А.С. Орлов отмечал в *ГВл* несколько случаев, когда при отсутствии лексической близости единственным удостоверением заимствования из Иосифа Флавия или Амартола оказывалось совпадение темы или ситуации. Наиболее выразительный эпизод — осада Луцка монгольскими войсками Куремсы, во время которой произошло чудо: поднялся настолько сильный ветер, что пущенные монголами из “пороков” камни возвращались и поражали нападающих. В качестве прототипа А.С. Орлов указал на эпизод из Книги IV-й *Иудейской войны* об осаде Гамалы, когда внезапная буря “возвращала вспять” камни и стрелы защитников.¹⁹

¹⁹ Орлов А.С. К вопросу об Ипатьевской летописи, 119-120. — Ср. *ГВл*: “Бѣ же чю створи и стѣи Иванъ . и стѣи Никола . вѣтроу же такоу бывшоу . тако порокомъ вѣргшоу вѣтроу же вбращаше камень на нѣ . паки же мечюшемъ . на нѣ крѣпко . изломиса Бжїею силою пракъ . ихъ . и не оуспѣвше ничтоже” (ПСРЛ 2, 842). — *Флавий*: “и съ верхѣ бивахѣтъ ꙗ каменїемъ и стрѣлами . незапоу вѣста боурѣ на на . и вѣращаше вѣспать поущаемаа ѿ нихъ” (422б). Здесь и далее *История иудейской войны* цитируется по изданию: «*История иудейской войны*» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Изд. подг. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин Т. 1-2. М., 2004 (с указанием номеров листа, столбца и номера строки). — Орлов, кроме того, указал на аналогичный эпизод у Амартола: “Въ всадѣ же и въ брани бѣ Июдѣемъ вѣнезапоу боурѣ вельѣ . ꙗже нань

“Повесть” о монгольском взятии Киева структурно имитирует рассказ из Книги I-й (гл. 7) *Иудейской войны* о взятии Иерусалима Помпеем. Подобно монгольскому хану, римский полководец, прежде, чем приступить к осаде, “смотрел” город:

вкрѣтъ града хода смотреше идеже пристоупити съ всею силою. понеже видѣвъ твердость стѣннѣю и непристоупное къ градоу. и ровы велми страшны. и црѣвъ вноутрьоуду заграженноу великою твердостью. и бывающю второму прибежищю людемъ. аще и внешнїи градъ взать боудеть (351а-351б).

Бросается в глаза, что представления летописца о топографии Киева совершенно совпадают с тем, что “подсмотрел” Помпей в Иерусалиме: внешний град, внутренний град и посередине его церковь (то есть Храм), которая может стать последним рубежом обороны, когда падут внешние стены. Именно такое соотношение частей города предполагает летописец и в Киеве, что объяснит нам, почему из всех многочисленных и знаменитых храмов столицы Руси он знает (или предпочитает упоминуть) только один — “святую Богородицу”. Храм и должен быть единственным в городе.

Обороняя Иерусалим от Помпея, защитники отступили во внутренний град, отделенный глубоким оврагом,

помпїи ста на севѣскѣю страну. и тоу ровъ насыпа и дебри вси. [...] и испльнишимса дебремъ. забрала высока выше постави на высокоѣмъ сыпанїи. принесше тѣскы цвны, разбивахоу стѣны пороки. твердым же бывшимъ стѣнамъ. и величествомъ и красотою (351в).

В конечном итоге, защитники Иерусалима бились уже только в Храме:

тоуда възидоша на црѣвъ. прѣвыи же възиде на стѣноу комаромъ. илии фаоустъ [...] цви же зажгоша комары црѣвныи. и с тѣми пожени быша. дроусїи же ѿ высоты метахотса въ дебри (351в-351г).

Кроме общей схемы осады, из этого описания летописец позаимствовал рассказ о впечатлении, которое Киев произвел на Менгу-хана (ср. *ГВл*: “оудивиса красотѣ его . и величеству”; *Флавий*: “твердым же бывшимъ стѣнамъ. и величествомъ и красотою” [351в]),²⁰ а также идею того, что стенобитные машины должны быть установлены именно там, где “пришли дебри”. Отсюда же происходит и мотив

споущаема . ѿ Римлянъ оуполоучно приношаше, а еже ѿ Иудеанъ испоущаема на страну абик ѿвращаше” (Истрин В. М. *Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь*. Т. 1: Текст [Пг., 1920], 267; далее: Истрин 1, с указанием страницы).

²⁰ Орлов, в качестве параллели, приводит следующее выражение из сцены входа Александра Великого в Вавилон из Второй редакции *Александрии*: “Алексаѿръ же въшедь въ Вавилонъ видѣти величество града и красотоу, яко не баше инъ таковъ по нбѣмъ”, но справедливо (по хронологическим соображениям) признает это совпадение случайным (Орлов А.С. К вопросу об Ипатьевской летописи, 122).

“церкви” как последнего оплота и ее защитников, сражающихся, забравшись “на комары”, о чем подробнее ниже.

К этому следует добавить, что “сглядая” Иерусалим, Помпей послал в город своих послов, которые (как и послы Менгу-хана) были отвергнуты горожанами. Наконец, определенный параллелизм обнаруживается между сюжетной ролью воеводы Дмитрия, который сначала защищал Киев до последней возможности, а затем — будучи пощажен завоевателями (“не оубиша его . мужьства ради его”) — сотрудничал с монголами и подавал им мудрые советы, и самим автором *Истории иудейской войны*. Иосиф также был “воеводой” в Иотапате, защищал город, был пощажен римлянами (“храбрѣства его дѣла и мѣдрости” 415г30-31) и прикнул к врагам.

Описание монгольских войск и порядок осады.

Начало собственно осады Киева передано летописцем в следующих выражениях:

Приде Батѣи Кѣевоу в силѣ тажѣ||цѣ . многомъ множествомъ силы своеи . и шкrouжи гра . и встолпи сила Татарская . и бѣ гра во шбѣдержанѣи велицѣ . и бѣ Батѣи оу города . и штроци его шбѣсѣдахоу гра . и не бѣ слышати ѿ гласа . скрипаниа телѣгъ е . множества ревения . вельблѣдѣ его . и рѣжаниа ѿ гласа стадѣ конь его.²¹

Этот отрывок представляет собой монтаж из нескольких фрагментов, заимствованных из *Хроники* Георгия Амартола и *VI Книги Царств* и объединенных общей темой падения Иерусалима. Его окончание является парафразой описания войск Антиоха из описания осады и взятия Иерусалима в Книге VII-й Амартола:

тѣмъ възмоушахоуса вси видаше и слышаще гла множества скрипаниа колесницъ . бѣ бо полкъ велии крѣпокъ зѣло и воины совѣкоупи бещисла въ шроужии.²²

Недостающее в этом фрагменте “ржание коней” летописец добыл из другого места Амартола, в Книге VI-й, представляющего собой дословную цитату из Книги пророка Иеремии (Иер 8:16):

²¹ ПСРЛ 2, 784.

²² Истрин 1, 204. Менее вероятно влияние других мест у Амартола, где речь идет о “гласе колесниц”: ср. 181: “яко гѣ слоухъ створить станову Соурьскомоу гла колесницъ и коньскѣ топть || и сила велиа” (ср. 4 Цар. 7:6 И гдѣ слышанъ сотвори полкъ сѣрийскѣ гласъ колесницъ, и гласъ коней, и гласъ силы великѣа); 186: “коньми многими || и колесницами исполчивъса яко шгнь на брани на та, дъщи Сишна. и: ѿ гла стремления его и ѿ шроужѣа ногоу его и ѿ троуса шроужѣа и шюма колесницъ его. не възврататъ шци къ снѣмъ своимъ” (ср. Иер. 47:2-3: и возопіютъ людіе и восплачутся вси жившійи на земли, ѿ шѣла оштреленіа егѣ, ѿ орѣжіа ногъ егѣ, и ѿ гремѣніа колесницъ егѣ и ѿ звѣка колесъ егѣ). — Поразительно, как может подвести интуиция: именно в цитате из Амартола А.Ю. Карпов усмотрел реальную подробность, удостоверяющую весь рассказ, и даже объяснил, какого рода телеги могли производить такой чудовищный скрип (Карпов А.Ю. *Батый* [М., 2011], 99).

“и: ѿ Дана оуслышанъ боудеть гла̑ гарости конь ѿго и ѿ гл̑са рьзаниа ѿ каждениа ѿго потрасеть̑ вса земля та”.²³

Слова Амартола, идущие непосредственно за процитированной фразой, представляют собой еще одну цитату, на этот раз из книги пророка Иезекииля (Иез. 26:7-12), и послужили для летописца прототипом изображения осады Киева монголами:

гл̑ть гб̑: се наведу Навходоносора цр̑а Вавилоньскаго, иже ѿсть цр̑ь цр̑мъ, на конихъ и колесницахъ събраниемъ странъ многихъ зѣло, и приложитъ ти приспоу и съижеть вкроугъ тебе гроблю и пристоупитъ съ вѣроужиемъ, и копыа своа противоу тебѣ дасть. стѣны твоа и столпы твоа разруши вѣны, и ѿ множества конь ѿго || покрыеть̑ та прахъ ѿго.²⁴

Именно из описания армии Навуходоносора летописец почерпнул идею, что осаждающие город войска иноплеменников должны обвести его собственными укреплениями и таким образом изолировать от внешнего мира. Не исключено, что летописцу было известно толкование на книгу пророка Иезекииля, где это место (Иез. 26: 7-12) объясняется в том смысле, что таков вообще должен быть “обычай ратных” во время осады городов — “окръсть града съграждати” острог.²⁵ Но и без особого комментария в памяти летописца должны были возникать сцены вавилонского взятия Иерусалима Навуходоносором, что он и засвидетельствовал прямой цитатой:

Приде Батыи Кыевою [...] и бѣ̑ гра̑ во вѣдѣржаньи велицѣ . и бѣ̑ Батыи оу города . и штроци его вѣсѣдахоу гра̑.²⁶

Ср. 4 Цар 24: 10-11:

взыде̑ навѣходоносоръ царь вавлѣонскій на іерлїимъ, и вѣсть̑ градъ во вѣлеженїи. И прїиде̑ навѣходоносоръ царь вавлѣонскїи на градъ іерлїимъ, и ѡтроцы̑ егѡ вѣсѣдахѣ градъ.

Окружение осажденного города валом и рвом как символ обреченности представляет собой одну из главных повторяющихся тем в пророчествах Иезекииля

²³ Истрин 1, 186-187. “Множество верблюдов”, как и предполагал В. Перетц, скорее всего заимствовано из *Книги судей* 7:12: *іако прѣзи множествомъ, и вельблюдомъ ихъ не вѣше уисла. но вѣхъ іако песокъ на край морьстѣлгъ множествомъ.* Это тем более вероятно, что окончание фразы находим в другом месте *ГВл*: “Бѣ̑ матежъ великъ в самѣхъ Татарѣ̑ . избишаса сами промѣжи собою бещисленное множество . акъ пѣсокъ морьскы” (ПСРЛ 2: 863).

²⁴ Истрин 1, 187.

²⁵ Ср.: *пр̑ [...] и ѡградитъ тѣ . и ѡбриеть тѣ ѡвровѣ . и съградитъ ѡкрѣспѣ ѡспрогы . и заспавъ съ ѡрѣжїимъ [...] ск̑ [...] се же ѿ ѡвчїаи рапнїимъ ѡкрѣспѣ града съграждати . да не приходѣтъ изъвнѣ , | пи вѣносѣтъ вращно . [...] наричуть ѡсп-рогѣ . и пѣровъ ѡкрѣспѣ града съсыпанъ . се тѣворѣтъ рапнїи . да имъ вѣде̑ ѡудѣвѣ . стрѣлы постаѣлапнїи . и праца* (*Толковые книги 16 пророков*, посл. четв. XV в., НИОР РГБ, собр. МДА [ф. 173.1], № 19, л. 219об.).

²⁶ ПСРЛ 2: 784.

(см., например: Иез 4: 2-3; 17: 17; 21: 27; 23: 24). Впрочем, другой главный источник летописца — Иосиф Флавий — также подтверждал достоверность такого рода осад. Отчаявшись взять Иерусалим быстрым штурмом, Тит приготовился к длительному «облежению», повелев окружить город стеной и валом: “вбрымысѧ вкрѣтъ града и приспы съдѣлаимъ” (447г). Описание строительства этого огромного сооружения, кроме того, намекало на достоверность библейской истории, так как упоминало “осоурииское вбрытие”.

Галицкий летописец воспользовался своими находками еще раз, для описания осады монголами польского города Сандомира, следующего той же схеме и под влиянием тех же вехозаветных мотивов:

и начаша воевати землю Ладьскоую . потом же придоша к Соудомирию . и вбъстоу-
пиша и со всѣ сторонѣ . и вгородиша и . вколо своимъ городомъ . и порокомъ поста-
виша . и порокомъ же бьющимъ не вслабно . днѣ и ночь . а стрѣламъ не дадоушимъ
выникноути изъ забороль .²⁷

Кроме автоцитаты (“порокомъ же бьющимъ не вслабно . днѣ и ночь”), в этом отрывке цитируется и Иосиф Флавий: “не дадать гражаномъ выникноути и-забрал” (414а, осада Иотапаты); “да не дадать выникноути изъ забралъ борцю” (441б, осада Иерусалима).

Штурм Киева, согласно *ГВл*, происходил в следующем порядке:

постави же Баты пороки городу подьлѣ вратѣ Ладьскѣ . тоу бо бѣахоу . пришли
дебри . порокомъ же бес престани бьющимъ . днѣ и ночь . выбиша стѣны . и вози-
идоша горожаны на избытъ [*XII* избитые] стѣны . и тоу бѣаше видити ломъ
копѣины . и щеть скѣпаніе . стрѣлы вмрачиша свѣтъ побѣженъ .²⁸

Странное решение Батия поставить камнеметательные машины в той части города, где были овраги (или даже именно потому, что к Лядским воротам подходили овраги) объясняется несколькими эпизодами из *Иудейской войны*, убедившими летописца, что римляне всякий раз располагали свои катапульты и тараны именно в таких местах. Впервые этим приемом воспользовался Помпей при осаде Иерусалима:

помпѣи ста на севѣскѣю страну . и тоу ровъ насыпа и дебри вси . [...] и испльни-
шимсѧ дебремъ . забрала высока выше постави на висоцѣмъ сыпаніи . принесше
тѣскы ввны , разбивахоу стѣны пороки . твердымъ же бывшимъ стѣнамъ . и
величествомъ и красотою (351б-351в).

Затем Веспасиан таким же образом штурмовал Иотапату:

²⁷ ПСРЛ 2: 852.

²⁸ ПСРЛ 2: 785.

сеи бо градъ весь стоить на^д пропастию, яко немощно очима члчскыма дозрѣти глоубины. токмо ѿ севера пристоупъ малъ. зане къ дебри кончашася стѣны. [...] оуесписѣанъ же постави вкрестъ града. стенобничныа съсоуды. баше ихъ .ѣ. и тръкапаныи камень метяхъ порочами. (413в-413г).

Наконец, Тит, раздумывая, где бы назначить место главного штурма Иерусалима, также обратил внимание на “дебри”:

Тить же абіе гадаше, внѣ съ избранными конники. смотряше на котороую страну пристоупить. и не могоущю изискати мѣста. зане шбидоша и всюдѣ пропасти и дебри (441а).

Летописца дополнительно убедило то обстоятельство, что во всех случаях римляне “творили приспу”, что по видимости соответствовало уже процитированному им отрывку из Иезекииля (“и приложить ти приспоу и съзижеть вкrouгъ тебе гроблю”). Неясно, понял ли летописец, что римляне выбирали стены на краю глубокого оврага как самые низкие и потому наиболее уязвимые, и чтобы добраться до них как раз засыпали ущелья (“деяли приспу”), размещая осадные машины на насыпях (“исплънѣшимса дебремъ. [...] принесше тѣсѣкы швы, разбивахоу стѣны пороки” [351в10-11]). Но из *Киевской летописи* он знал, что под 1151 г. Лядские ворота, действительно, упомянуты в очень редком контексте, соседствуя с “дѣбрьми”,²⁹ и это подтолкнуло его воспользоваться случаем, чтобы добиться параллелизма ситуаций.

Бой киевлян с монголами на разрушенных пороками стенах (“и тоу бѣаше видити ломъ копѣины . и щеть скѣпаніе . стрѣлы шмрачиша свѣтъ побѣжены^м”) оказывается монтажом двух фрагментов *Иудейской войны* из описания штурма Иотапаты: “и бысть видѣти ломъ копиныи. и скрежетаніе мечное и щиты ископани” (413в36-37) и “соулицы из лоукъ поущаемы шюмаще. стрѣлы помрачиша свѣтъ” (413г24-25).

Из *Иудейской войны* происходят и “хронологические” указания летописца (*день и ночь*), ср.: “троужающимса бо днѣ и ношъ. а в зорѣ” (415б16-17); “не почивахоу днѣ и ношъ воуююще” (411в35); “но и днѣ и ношъ акы шбьемъ своа кона дрѣжаше-са” (454г19); “римланы болма. въ той же днѣ и ношъ шгнь запалаше” (457в4). Можно думать также, что под влиянием Иосифа Флавия, отмечавшего окончание штурма однотипными фразами (“Иштопать же тако взать бысть” 415в20-21; “Гама-ла же тако взать бысть” 422в1-2; “вса^ж Галилеа тако взата бы^с” 423б20-21), летописец завершил рассказ об осаде Киева: “и приять бѣ гра^с сиче воими”.

²⁹ “и сташа мѣжи дѣбрьми . ѿ Шлговы вли и въ шгородъ стѣго Іѡана [...] сташа ѿ Золотѣ^х воротъ по тѣмъ шгородомъ . до Ладьскихъ воротъ” (ПСРЛ 2: 428). Слово *дѣбрь* очень редкое в летописании. В каждой из составных частей *Ипатьевской летописи*: в *Повести временных лет*, *Киевской* и в *Галицко-Волынской летописи* оно встречается всего по одному разу.

Десятинная церковь.

После того, как крепостные стены оказались захвачены монголами, защитники города создали новые укрепления вокруг Десятинной церкви. Кульминацией рассказа оказывается эпизод трагической гибели горожан, использовавших храм как последнее прибежище: под тяжестью набившегося со своим скарбом народа церковные стены не выдержали и рухнули, погребая под собой последних защитников города:

взиидоша Татарѣ на стѣны и сѣдоша того дне и ноци . гражанѣ же создаша пакы другии гра̂ школо стое Бѣѣ . наоутрѣа же придоша на нѣ . и бы̂ брань межи ими велика . людем же . оузбѣгшимъ на цр̄квь . на комары цр̄квныа и с товары своими . ѿ тагости повалишаса с ними стѣны цр̄квныа.³⁰

То, что именно храм в центре города окажется последним рубежом обороны было predetermined, как мы догадываемся, изначальным замыслом летописца, находившегося под влиянием двух рассказов о взятии Иерусалима (Помпеем и Титом) в *Иудейской войне* Иосифа Флавия, где именно Храм выступал последним рубежом обороны. Тем не менее, рассказ, в целом, признавался достоверным, и в археологической литературе даже породил дискуссию о причинах падения Десятинной церкви.³¹

Необходимо отметить, что автор *ГВл* (частью которой является описание штурма Киева) еще дважды использовал тот же мотив превращения церкви в крепость и обороны от неприятеля с высоты церковных сводов.

³⁰ ПСРЛ 2: 785.

³¹ После раскопок Десятинной церкви В.Д. Милеевым в начале XX в., обнаруживших деревянные конструкции в основании фундаментов, появились суждения, что это строительное решение, — казавшееся тогда необычным, — и ответственно за крушение церкви (см.: Шмидт Ф.И. Заметки о поздневизантийских храмовых росписях. *Византийский временник*. 1916. Т. 22. Вып. 1, 105-109; Айналов Д.В. К вопросу о строительной деятельности св. Владимира. *Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира*. [Б.м., 1917], 24-26). Вновь исследовавший Десятинную церковь перед Второй мировой войной М.К. Каргер оспаривал подобные мнения, утверждая, что монголы, должно быть, применили здесь ту же стенобитную технику, что и к стенам города (Каргер М.К. *Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города*. Т. 2: *Памятники киевского зодчества X—XII вв.* [М.—Л.], 1961, 12, 31-36). Обе эти догадки беспочвенны. Деревянные конструкции в фундаментах были частью традиционных византийских строительных техник (Robert G. Ousterhout, *Master Builders of Byzantium* [Princeton, N.J, 2008], 161-162), практиковавшихся вплоть до конца XV в. Отказ от этого элемента летописи отмечают особо, как новшество, введенное Аристотелем Фиораванти при строительстве Успенского собора Кремля: «Аристотель Пречистые храма по кивоты, еже около еа, сътвори, внутри же стѣн всуцепы желѣзны положи яко правила на вретенех, и межу столповъ, идѣже брусие дубовое в наших церквах, то все желѣзно сковавъ положи» (ПСРЛ VI, 2: 252). Мнение же Каргера основано на неверном понимании им «пороков» как стенобитных таранов. На самом деле, это — камнеметальные машины, использовать которые в условиях плотной городской застройки невозможно.

Под 6727 г. (а на самом деле, вероятно, летом 1220 г.³²) при описании похода Мстислава Мстиславича на Галич против оккупировавших его венгров, летописец сообщает, что оставленный воеводой Фильнием в городе королевич Коломан пытался (неудачно) укрепиться на сводах Успенского собора в Галиче:

встави же Каломана . в Галичи и созда градъ . на цркви . прч^тое вл^дца нашеа Бца . таже не стърпвшю . wskвернениа храма своего . и вда^тю в руци Мьстиславоу [...] побѣдившоу же Мьстиславоу . поиде к Галичю . бившимъ же са имъ w врата градная . и възбѣгоша же на комары црквныа . и ини же оужи възвлячашаса . а фарѣ ихъ поимаша . бѣ бо градъ створенъ на цркви . шнѣм же стрѣляющимъ . и камение мещющимъ на гражаны . изнемогахоу жажею водною . не бѣ бо воды в н^к . и приѣхавшоу же Мьстиславоу и вдашаса емоу . и сведени быша со цркви.³³

Смысл сообщения состоит в указании на чудо Богородицы: та не стерпела осквернения своего храма иноверными венграми и «вдала» их в плен Мстиславу Мстиславичу, так как происходило все это «на канунъ стои Бци» (вероятно, Успения).³⁴

Третий эпизод произошел уже после монгольского завоевания, в 1251 или 1252 г.³⁵ Во время похода Куремсы некий Изяслав «испросил» у монголов «помощи» и внезапно захватил Галич. Выбивать его оттуда отправился Роман Данилович:

поем же Романъ воя иде днѣ и ноцъ . и внезапоу нападшимъ на нѣ . шномоу же не възмогшоу . коуда оутечи . и възбѣже на комары црквныа . идеже незаконные Оугрѣ възбѣгли . бѣахоу . стоащоу же около его кнзю || Романоу . жажею водною . измирающи имъ . четверты днѣ сниде.³⁶

Все три истории, как легко убедиться, написаны “одним почерком”, ср.: “людем же . оузбѣгшимъ на цркви . на комары црквныа”; “и възбѣгоша же на комары црквныа”; “и възбѣже на комары црквныа”.

В *Истории иудейской войны* Иосифа Флавия мы находим довольно много эпизодов, в которых люди, сражаясь внутри города, защищаются, взобравшись на «комары» различных сооружений.

Вот несколько примеров:

И ставша на камарахъ бодахѣ римланы . и си трѣдившеса вышнимъ бодѣаніемъ . и не възмогше пріити . и ѿидоша на црскыи дворъ (40269-13).

³² Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописі. *Mitteilungen der Šewčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg* (41, 1901), 17.

³³ ПСРЛ 2: 737-738.

³⁴ Подобные датировки кануном праздника нередки в летописании. Но в *ГВл* они принадлежат исключительно автору “галицкой” части: “на каноу стго Дмитрѣа” (ПСРЛ 2: 735); “наоутрѣа же на каноунъ . стои Бци” (ПСРЛ 2: 737); “и дасть побѣдоу Данилоу . на каноунъ великоюу мчнкоу . Фора и Лавра” (ПСРЛ 2: 805); “Литва же изгнаша Єздовъ . на каноунъ и Ивана дни . на самаа коупальа” (ПСРЛ 2: 855).

³⁵ Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописі, 38.

³⁶ ПСРЛ 2: 830.

Цр̄кве ѿемше стѣны. а шнемъ прибѣгнувшимъ къ цр̄кви. и затвориша врата и биахоу с камарь и с полать. ананъ же моглъ бы взати цр̄квь. но боѣса кровопролитѣа да не wskвернить стѣа [...] (425в1-8).

Не имоуще ꙗже на потребу ѿчаашаса. и ставша по коморамъ по забраломъ, бѣахса съ симономъ. и многы ѿ народа оубиша, свыше поуцающе (433б21-26).

В этих примерах, впрочем, здание с людьми на его сводах не обрушивается. Поэтому наиболее близкой параллелью к истории падения Десятинной церкви является, вероятно, эпизод из рассказа об осаде римлянами города Гамалы. Поставив в трех местах «порокы» и пробив стены, римляне ворвались в город, где оказались в ловушке среди городской тесноты и в низинах:

Не оумѣюще что са домыслити, лазахѹтъ на градьныа храмы съ тажкымъ орѹжиемъ. храмомъ же наплънившимса. и не дрѣжаще тагости раздрѹшевахѹтъса. и падахоу дроугъ на дрѹсѣ. издавлевахѹ воа вса. швы каменѣемъ. швы же прахъ извистныи. и мноси ѿ нихъ погребени быша живи (421а27-36).

Славянский переводчик Иосифа Флавия словом *комара* передавал сто́й (аркада, галерея, портик, крытая колоннада) своего оригинала.³⁷ Таким образом, в *Истории иудейской войны* речь идет преимущественно о конструктивных деталях светских построек — портиках и крытых колоннадах, — взобравшись на которые, люди сражаются. Галицкий летописец, судя по всему, понимал слово *комара* в более привычном для Руси значении церковных сводов (от греч. *καμάρα* — аркада, арка).³⁸ К тому же, он, несомненно, обратил внимание на те сцены обороны иерусалимского храма, где речь идет о борьбе на *комарах*, например:

“и тоуда възидоша на цр̄квь. прѣвыи же възыде на стѣноу комаромъ. илии фаоустъ соулинъ снѣ и съ своими воины” (351в30-34);

“а шнѣмъ прибѣгнувшимъ къ цр̄кви. и затвориша врата и биахоу с камарь и с полать” (425в2-5).

Летописец, разумеется, интерпретировал вычитанное у Иосифа Флавия в свете собственного опыта, и иерусалимский храмовый комплекс представал в его воображении сооружением подобным церкви, а его галереи и портики, следовательно, не могли быть ничем иным, кроме церковных сводов. Это создавало возможность

³⁷ См. словоуказатель: «История иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. 2 (М., 2004), 90-91, 722.

³⁸ *Словарь древнерусского языка XI-XIV вв.* Т. 4 (М., 1991), 247. Разумеется, те, кому (в отличие от автора *Галицко-Волынской летописи*) выпала удача бывать в Иерусалиме, хорошо представляли себе, что такое портики и колоннады. Игумен Даниил, например, именно в этом значении употребляет слово «комары»; ср.: «И есть мѣсто то оздано все комарами около, и верхъ на комарахъ тех созданъ есть, яко дворъ камень кругомъ, и помощень есть весь двор-от мраморными дъсками» (Житие и хоженье Данила Русския земли игумена. 1106-1108 гг. *Православный Палестинский сборник*. Т. 1, вып. 3 [СПб., 1883], 38-39).

перенести сцены обороны *церкви* людьми, взобравшимися на *комары*, в контекст Галича и затем — Киева.³⁹

История с литературой.

Подвергнутый процедуре “медленного чтения” рассказ (или, если угодно, повесть) о взятии монголами Киева ведет себя вполне ожидаемым образом: сохраняя достоинства литературного произведения, он утрачивает свойства исторического источника. Текст рассыпается на цепочки заимствований, прямых и скрытых цитат, аллюзий и парафраз, имитаций сюжетных положений. Перед историком, стремящимся, в конечном итоге, разглядеть за сбивчивыми показаниями источников реальные очертания прошлого, это ставит фатальный вопрос о достоверности. В какой мере литературное описание соотносится с прошлой реальностью? Что перед нами: последовательность событий или же набор стилистических формул, не опирающихся ни на какую действительность?

Строгая эпистемологическая позиция подсказывает, что — будучи фиктивными — тексты, подобные рассказу об падении Киева никакой ценности для суждения о прошлом не имеют и для исторической реконструкции непригодны. Можно упорствовать, предположив, что все, превышающее в рассказе уровень лексических и фразеологических заимствований, и есть та достоверная реальность, которую можно спасти для истории. Но мы видели, что перенимаются также сюжетные ходы и положения, которые подчас не имеют буквальных лексических соответствий в оригинале, и критериев для сортировки сюжетов на разряды, имитирующие реальность и имитирующие литературный образец, у нас нет. Какие-то крупинки можно было бы добыть, следя за умолчаниями летописца, вернее, за бывшими в его распоряжении, но отвергнутыми возможностями. Так, например, среди “сосудов стенобитных” Иосиф Флавий называет *пороки* (катапульты) и *овны* (тараны), но *ГВл* упоминает только *пороки*. Значит ли это, что монголы не располагали под Киевом всем арсеналом осадной техники? Можно, наконец, предположить, что действительность прорывается в тех случаях, когда летописцу приходилось подправлять цитату, перенося ее из мира уже несуществующих вещей в собственный. Но улов оказывается ничтожным: в нашем случае пришлось бы ограничиться утверждением, что монгольское войско подошло к Киеву не на ассирийских колесницах, но на телегах. Скрипели они, впрочем, одинаково.

В какой-то мере историка выручает перемещение фокуса внимания с недоступного нам событийного ряда, скрываемого текстом, на его идеологическое “послание”, то есть отказ от чтения текста в поисках “фактов” и чтение его как литературного произведения. Если невозможно восстановить события, то можно попытаться узнать, как автор осмысливал их, какой урок извлекал и хотел передать потомкам. Достаточно распространенный, и иногда успешно практикуемый, подход уподобляет средневековый текст современному постмодернистскому роману. Предполагается, что скрытое цитирование, имитация образцов суть игра автора с

³⁹ В одном месте храм уподоблен крепостной башне: “наречеть бо са сн̄ь боиныи а не ц̄ркве” (457в 26-27), что только усиливало аналогию с древнерусской церковью.

читателем, от которого ожидали способности распознать заимствования, установить их происхождение и, таким образом, расшифровать “большие смыслы”, заложенные в тексте. Наш фрагмент летописи, как кажется, вполне поддавался бы подобной процедуре. В самом деле, все без исключения обнаруженные цитаты происходят из нескольких эпизодов падения Иерусалима: от вавилонского взятия до разрушения храма. При некотором желании это можно было бы толковать, как сознательную методу летописца: уподобить постигшее Киев несчастье событию из священной истории и тем самым выявить для читателя масштаб катастрофы, трагизм и фатальную непоправимость произошедшего.

Подобной интерпретации, однако, препятствует то очевидное обстоятельство, что летописец никак не дал понять своему читателю, ни то, что он цитирует, ни то что именно он цитирует. Напротив, он всячески скрыл это, выбирая для заимствований фрагменты из таких произведений, которые — подобно *Истории иудейской войны* — почти гарантированно были недоступны большинству его потенциальных читателей. Дело, вероятно, проще: летописец листал хронографическую литературу в поисках языка для описания, и то, что он обратил внимание на эпизоды взятия Иерусалима, — явление, как раз, вполне ожидаемое. Язык, разумеется, не нейтрален по отношению к содержанию, а в нашем случае выбором языка, собственно, содержание и было создано.

И все же, “следуйте с осторожностью”, как советуют дорожные знаки.

Среди теоретических возможностей должна быть и та, что, пусть и чужими словами, но летописец все же стремился донести какие-то реалии происшедшего. Обосновать это в общем виде, вероятно, невозможно. Но можно попробовать продемонстрировать, что, по крайней мере, в некоторых случаях такая возможность не исключена.⁴⁰

Способ осады Киева монголами, при котором город окружается стеной, в летописном рассказе навеян библейскими мотивами (книга пророка Иезекииля в передаче хроники Георгия Амартола). Но из других источников (не связанных с *ГВл* общим кругом чтения автора) мы знаем, что именно таков и был порядок осады городов, применяемый монголами. Так, *Новгородская I летопись* подобным образом описывает осаду Рязани (“Тогда же иноплемьеници погании оступиша Рязань и острогомь оградиша и”), Владимира-на-Клязьме (“Безаконьнии же Измаильти приближишася къ граду, и оступиша градъ силою, и отыниша тыномъ весь”) и Торжка (“Оттолѣ же придоша безаконьнии, и оступиша Торжекъ на сборъ чистои недѣли, || и отыниша тыномъ весь около, якоже инии гради имаху”).⁴¹ Ей вторит и *Лаврентьевская летопись*: “почаша наражати лѣсы . и пороки ставиша до

⁴⁰ Вот один из показательных случаев. Известное сообщение *Повести временных лет* о том, что, возвратясь из Корсуня, князь Владимир установил возле Десятинной церкви “мѣданѣ . в̄ . капищи . и . д̄ . конѣ мѣданы иже и нынѣ стоять за стѣною Бѣю”, как установила Т.Л. Вилкул, представляет собой цитату из хроники Иоанна Малалы (Вилкул Т.Л. “Капища” из Корсуня князя Владимира. *Ruthenica* 6 [2007], 343-345). Однако признать это только цитатой и вымышленным событием невозможно: в XII в. площадь перед Десятинной церковью называлась “Бабин торжок”, удостоверяя своим названием, что какие-то изваяния (“бабы”) некогда действительно находились здесь.

⁴¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего извода (М.—Л.), 1950, 75-76.

вечера . а на ночь шгородиша тыно⁴² школо всего города Володимера”.⁴² Можно было бы и эти описания счесть имитациями ветхозаветных прецедентов (тем более, что здесь, в отличие от *ГВл*, летописец ссылается на Писание), если бы Плано Карпини прямо не утверждал, что в некоторых случаях монголы при осаде городов ограждают их стеной, чтобы никто не мог ни выйти из города, ни войти в него.⁴³ Действительно, Рашид-ад-Дин подтверждает, что при осаде Хулагу-ханом городов Алеппо и Мавсиля они были обнесены деревянным тыном, а при осаде Багдада — вокруг города насыпали даже земляной вал.⁴⁴ В последнем случае подтверждается реалистичность даже такой подробности из описания осады Киева, как “сидение” монголов на стенах города. В точности так поступили войска Хулагу-хана в Багдаде, трое суток ожидая сдачи халифа на верхах стен, и только потеряв терпение, спустились в город и захватили его.⁴⁵

Наконец, какая-то реальность стоит за самым драматическим, и, надо думать, наиболее мистифицированным, финальным эпизодом рассказа — падением стен Десятинной церкви. Почему именно Десятинная церковь (а не скажем, “митрополия” София) была избрана на роль последней твердыни, трагически погибающей в конце осады? Можно было бы думать, что причина сугубо литературного порядка — аллюзия на судьбу Иерусалимского храма, которому летописец уподоблял “первохрам” Руси. Однако существуют свидетельства, что Десятинная церковь — едва ли не единственный из киевских храмов — действительно пострадала при штурме. *Список русских городов дальних и ближних*, как полагают, составленный в 1380-1390-х гг. в канцелярии митрополита киевского Киприана,⁴⁶ упоминает Киев, а в нем «церкы: святаа Богородиця десятиннаа, камена, была о полутретьятцати версѣх».⁴⁷ Следовательно, по крайней мере в 1380-х гг., Десятинная церковь действительно стояла с обрушенными «комарами».

И последняя оговорка. Настоящая статья — не о том, как был взят Киев и тем более не о том, был ли он взят монголами. Никаких ревизионистических задач ра-

⁴² ПСРЛ 1: 462.

⁴³ Джиованни дель Плано Карпини. *История монголов*, 53.

⁴⁴ Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Пер. А.К. Арндса. Т. 3 [М.—Л., 1946], 42, 49, 57. Кроме изоляции осажденных от внешнего мира, такие сооружения служили защитой для нападающих и их осадных машин. К сожалению, мне осталась недоступной специальная работа (Храпачевский Р.П. *Армия монголов периода завоевания Руси*. [М., 2011]), где наверняка эти вопросы обсуждаются детально.

⁴⁵ Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*, 43-44.

⁴⁶ О нем см.: Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних». *Исторические записки*. Т. 40 (1952), 214-259; Наумов Е.П. К истории «Списка русских городов дальних и ближних». *Летописи и хроники. Сборник статей 1973 г.* (М., 1974), 150-163; Подосинов А.В. О принципах построения и месте создания «Списка русских городов дальних и ближних». *Восточная Европа в древности и средневековье* (М., 1978), 40-48; Янин В. Л. *Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII-XV веков* (М., 1998), 61-70.

⁴⁷ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, 475. Число куполов — 25 — несомненная гипербола, приличествующая легендарной первой церкви (хотя и предпринимались попытки учесть это свидетельство при реконструкции архитектурного облика Десятинной церкви). В XIV в. такое преувеличение оказалось возможным именно потому, что купола были уже давно утрачены.

бота не преследовала. Прошлое остается непоколебленным. Что Киев был разорен дотла, подтверждается многочисленными свидетельствами, как письменными, так и археологическими. Если у настоящей работы и могут быть какие-то последствия, превышающие практическую пользу (не попадать впросак, принимая литературные заимствования за слова очевидца), то, пожалуй, состоять они могут в определении фокусного расстояния, на котором историкам следует всматриваться в событие прошлого. Стремление восстановить его в возможно большем количестве деталей и подробностей, в особенности, если их поставляет нарративный источник, ведет зачастую к совершенно мистифицированной версии минувшего. Напротив, отступив на шаг, есть шанс увидеть его достоверные очертания.

Институт истории Украины
Академии наук Украины